

Р А З Д Е Л 2
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1918–1939 гг.).
ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1939–1945 гг.).

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1930-х гг.)
И ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВРАГА

С.Ю. Крупская (Белгород)

Региональные конфликты в Западной и Центральной Европе второй половины 1930-х гг. символизировали крах Версальского миропорядка, при этом поляризуя ситуацию и влияя на международную расстановку сил на континенте. Всем им были присущи международные аспекты, в том числе, и пропагандистский. Рассматриваемые нами европейские региональные конфликты 1936–1939 гг. с точки зрения пропагандистских установок можно условно разделить на две группы. Первая из них – «этнические очаги» (Рейнская область, Австрия, Чехословакия), вторая – «идеологические очаги» (Гражданская война в Испании). Этнические конфликты, несомненно, содержали в себе не только национальный, но и идеологический компонент, однако ведущую роль в них играла именно национальная составляющая, находящая свое выражение в пропагандистской игре на националистических чувствах и мотивах.

В целом, конфликты в Европе (1936–1939) стали удобным полигоном для апробации «старых» и разработки «новых» германских идейных постулатов. Итогом такой пропагандистской работы стало формирование «образа врага», активно используемого в дальнейшем на фронтах II Мировой войны.

В идеологическую основу подготовки ревизии, как известно, была положена идея «Volksgemeinschaft», по которой единство немцев определялось биологическим фактором, принадлежностью к «северогерманской» расе, соответственно, даже проживающие за пределами Германии немцы входили в «единое германское народное сообщество» [8, с. 374–380]. Появление в информационной политике Германии проблемы «зарубежных немцев» было связано с ее территориальными потерями после I Мировой войны, в чем нацистское руководство «видело» удобную возможность для восстановления нарушенного Версальской системой «принципа национальности, который увеличил разорванность германского народа и прибавил угрозу увековечивания этого состояния нации» [3, с. 49, 50]. По мне-

нию Гитлера, «для самосознания великой державы невыносимо в течение длительного периода видеть немцев, подвергающихся тяжелейшим преследованиям, в соответствии с чем, Германия, имеет право принимать меры, позволяющие устранить ненужные мучения для меньшинств» [4, с. 35].

Образ внешнего врага национал-социалистической Германии базировался на психоэмоциональном компоненте, делающем ставку на массового потребителя в соответствии с «Mein Kampf», научная и интеллектуальная составляющие, соответственно, были сведены к минимуму, результатом чего стало упрощение процесса информационной обработки населения через внедрение в массы готовых стереотипизированных образов [17, s. 196]. Особенностью создания образа врага в рейхе стало наделение его комплексом упрощенных и негативных стереотипов.

Для создания и закрепления в среде европейской общественности подобных устойчивых шаблонов нацистскими пропагандистами активно использовались изобразительные средства, при этом акцент в них обязательно делался на сцены жестокости и насилия, осуществляемые «врагом» или же исходящую от него опасность. В газетах, журналах, листовках использовались другие приемы – повторение устойчивых словосочетаний, образных выражений, помещение «нужных» заголовков на первую страницу, использование мелкого или крупного шрифта и др. Комплекс пропагандистских средств делал ставку на субъективно-эмоциональную оценку угрозы и «взрачивал» в умах толпы чувство отторжения, презрения и ненависти к врагу.

Достаточно активно данный образ эксплуатировался во время информационной подготовки ремилитаризации Рейнской зоны и чаще всего был представлен антифранцузской и антикоммунистической линиями. Печатная нацистская пропаганда по этому поводу активно муссировала тезис о том, что Франция «со времени Версаля на европейском континенте пыталась держать Германию в цепях» [6, с. 214–215], подчеркивалась и ответственность французов за глобальные последствия франко-советского пакта, поскольку после его подписания немцы стали представлять Францию как «государство, ориентированное в сторону большевизма», и считали своей задачей – «защиту Европы» от подобной опасности [5, с. 260]. Направляя основное острие удара на Францию, германские пропагандисты до определенного времени лишь косвенно затрагивали СССР, предпочитая писать о Коминтерне, подчеркивая его тождество с Советским государством [1, с. 46–47]. Однако непосредственно перед ремилитаризацией Рейнской области германская пропаганда стала представлять СССР гораздо более резко, подчеркивая агрессивность его намерений [1, с. 21]. Наиболее четко образ СССР как врага национал-социалистической Германии (зимой-весной 1936 г.) был представлен в устных выступлениях лидеров рейха через использование противопоставлений «коммунистической диктатуры», «разрушительной концепции хаоса большевизма», «азиатского деструктивного мировоззрения» [15, s. 587] «миролюбию немцев» и их страху за

всю Европу [11, с. 48]. Дополнялся положительный образ Германии также за счет демонстрации таких «своих» качеств, как мужество, смелость, честь и др. [15, s. 595–596]

Процесс разработки и наполнения национал-социалистами образа внешнего врага в австрийском направлении проходил более «успешно». Важной особенностью пропагандистского оформления образа врага в связи с подготовкой аншлюса Австрии (до 1936 г.) был его слишком абстрагированный характер, основанный на дестабилизирующей составляющей. Более четкий образ «вредителя» в Австрии использовался немцами с начала 1936 г. и включал в себя не только СССР, но и в целом понятие «австрийской республики», «Версальского договора» и канцлера Шушнига, «не желавшего наводить в государстве порядок». В отношении австрийского правительства германская пропаганда сосредоточилась на декларации таких его качеств, как коррупционность, политическая, экономическая, военная слабость и пр. [13, 1936. 17. Apr.; 14, 1936. 18. Apr.; 18, 1936. 15. Apr.; 19, 1936. 16. Apr.] Образ СССР использовался для устрашения австрийской общественности время от времени, систематически же стал применяться только с января 1938 г. (в собственно австрийском направлении) и наделялся такими качествами, как жестокость, агрессивность, дезинтеграция. Заметна тенденция слияния (в отношении советской России) в единый образ трех компонентов – расового/национального, идеологического и политического, например, в программных речах нацистских лидеров (1938) активно употреблялись словосочетания типа – «еврейский, большевистский интернационал», «еврейско-интернациональный коммунизм» [3, с. 28]. В целом, кампания в прессе некоторое время носила «миролюбивый» в отношении австрийцев характер, на фоне чего подчеркивалась отрицательная роль «красных», «несчастное» положение населения (до аншлюса), которое не могло организовать сопротивление, подчеркивалась роль Германии как «спасительницы Австрии». Однако перед аншлюсом национал-социалистская пропаганда предприняла попытку создания образа Австрии как «разлагающейся» страны, пришедшей к такому состоянию в результате «козней большевиков и чехов». Германия заявила, что она не в состоянии больше «переносить убийства немцев немцами» [12, с. 51–52]. Сообщения из Австрии подавались под заголовками о «большевистском хаосе, угрожавшем самостоятельности и независимости Австрии [13, 1938. 11 März], большевистской провокации, союзе Шушниг – Сталин», об обидах, чинимых в Австрии германским подданным, и т.п. [7, с. 122]

В отношении Чехословакии, акцент при формировании образа врага изначально делался на его большевистскую составляющую. Анализ прессы рейха за июнь – август (1938 г.) позволяет сделать выводы о том, что германские журналисты скрупулезно и критически комментировали также деятельность чехословацкого правительства. На страницах нацистских газет расписывали практически каждое событие, происходившее в Чехосло-

вакии в мрачных тонах. Пресса пестрела заголовками о «кровавом терроре», «о нарушении границы чешскими самолетами», «чудовищных зверствах чехов», о «проповеди ненависти чехами», «чешском империализме», «грязных делах правительства» в отношении судетских немцев, подчеркивалось бедственное положение в Судетской области [13, 1938. 1, 9, 18. Juli; 2, 9, 10, 11, 15, 30. Aug.; 19, 1938. 1, 6, 17. Juli]. Такая методика представляла собой «контролируемое распространение сознательно искаженных представлений» [9, с. 244]. При этом известно, что в связи с утверждениями о голоде и бедственном положении германские журналисты использовали инсценировки, чтобы подкрепить статьи «вещественными доказательствами» в виде фотографий [2, с. 222].

В сентябре 1938 г. германская пропаганда стала активно использовать в отношении чехословацкого государства одну из основных классических составляющих «образа врага» – демонизацию. Например, Чехословакию объявили «чешской преисподней со всадниками Апокалипсиса» [10, с. 197]. Враг преподносился как воплощение вероломства, он посылал своих агентов всюду, в том числе, в Германию и Чехословакию. Он разжигает везде конфликты. После навязывания таких посылок снова повторялся тезис о том, что только «цивилизованные нации Европы» могут противостоять такому «варварству». Во главе борьбы с таким врагом должна стоять национал-социалистическая Германия, несущая красоту и радость. Эти акценты усиливались тиражированием словосочетаний типа «гуситские убийцы», «темный средневековый режим», «ужасные злодеяния», и другие аналогичные, которые пестрели как в текстах газетных заметок, так и выносились в заголовки [13, 1938. 1, 2. Sept.; 16, 1938. 3, 6. Sept.; 19, 1938. 3, 4, 8, 9, 13, 21. Sept.; 14, 1938. 2, 5, 6. Sept.]. Вскоре, как известно, судьбу судетских земель решит Мюнхенская конференция (сентябрь 1938). Не последнюю роль в уступчивой политике европейских стран в чехословацком вопросе сыграет сформированный в его контексте нацистской пропагандой образ врага.

В целом, образ врага, формируемый нацистской пропагандой не был статичным, поскольку на разных этапах и в разных европейских конфликтах доминировал не «комплексный» образ, а лишь какие-то из его компонентов. Так, в Рейнской авантюре чертами врага наделялись, например, французские журналисты и пресса зарубежных стран, коммунисты, а в судетском конфликте – чехословацкое государство, как таковое, и его конкретные политические лидеры, чехи как нация, СССР и т.д. Обострение противоречий, порожденных Версальской системой, принявшее форму кризиса в середине 1930-х гг. давало основание для трансформации содержательных компонентов образа врага.

Источники и литература:

1. Архив внешней Политики РФ (далее – АВП РФ). – Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 45.
2. АВП РФ. – Ф. 05. Оп. 18. П. 142. Д. 45, 56.
3. АВП РФ. – Ф. 56. Оп. 23. П. 51. Д. 6.

4. АВП РФ. – Ф.082. Оп.18. П.81. Д. 11.
5. АВП РФ. – Ф.082. Оп.19. П.83. Д. 8.
6. АВП РФ. – Ф.82. Оп.19. П.65. Д. 24.
7. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: А. А. Громыко (гл. ред.) [и др.]. – М. : Политиздат, 1977. – Т. 21. 1 января – 31 декабря 1938. – 792 с.
8. Кульков, Е. Н. К вопросу о трактовке в ФРГ истории нацистской Германии / Е. Н. Кульков // Война. Народ. Победа : материалы междунар. науч. конф. Москва, 15–16 марта 2005 г. – М. : Наука, 2008. – С. 372–380.
9. Работяжев, Н. В. Феномен тоталитаризма: политическая теория и исторические метаморфозы / Н. В. Работяжев, Э. Г. Соловьев. – М. : Наука, 2005. – 327 с.
10. Российский Государственный Военный Архив. – Ф. 1493 К. Оп.1. Д. 9.
11. Ширер, У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента / У. Ширер. – М. : Центрполиграф, 2002. – 508 с.
12. Ярошенко, В. Н. «Черный» эфир: Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания / В. Н. Ярошенко. – М. : Искусство, 1986. – 207 с.
13. Der Angriff. – 1936, 1938.
14. Deutsche Allgemeine Zeitung. – 1936, 1938.
15. Domarus, M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945: 2 Bde. / M. Domarus. – Würzburg : Süddeutscher Verlag, 1962. – Bd. 1. Triumph (1932–1938). – 995 s.
16. Frankfurter Zeitung. – 1938.
17. Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler. – München : Eher Verlag, 1936. – 792 s.
18. NSZ – Rheinfront. – 1936.
19. Völkischer Beobachter. – 1936, 1938.

КОНЕЦ ИЛЛЮЗИИ ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1936–1937 гг.)

Р.В. Тодорова (Москва)

В начале второй половины 30-х годов XX века нацистская Германия приступила к активной фазе денонсации Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Это было обусловлено началом активного роста немецкой экономики. В рамках глобальных политических процессов именно Германия стала активным проводником антикоммунистических идей, что способствовало усилению ее позиций в европейской политике того времени. Рост экономического, военного и политического потенциала позволил Берлину реализовать так называемую политику «свершившегося факта», которая, по мнению германской элиты, легитимировала нарушение норм международного права.

После определенной пропагандистской подготовки правящие круги нацистской Германии нацелились на возврат Рейнской области. В этой связи, дипломатический корпус Третьего рейха провел определенную работу, направленную на получение негласной поддержки запланированных действий со стороны британских политиков. Так, в начале 1935 г. немецкий посол в Великобритании Леопольд фон Хэш в Лондоне провел встречу